

Научная статья

УДК 81.22

DOI: 10.18384/2949-5075-2024-6-41-55

МОНИТОРИНГ КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМА ВЕЖЛИВОСТИ В МЕЖПОКОЛЕННОМ ОБЩЕНИИ

Леонтович О. А.^{1,2*}, Никитина А. В.¹

¹ Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27, Российская Федерация

² Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: olgaleo@list.ru

Поступила в редакцию 08.07.2024

После доработки 09.08.2024

Принята к публикации 09.08.24

Аннотация

Цель. Изучить лингвопрагматические и функциональные особенности использования вежливости в межпоколенной коммуникации.

Процедура и методы. Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, трактуется как инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говорящего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих. Ведущий метод исследования – дискурс-анализ; вспомогательные методы: дефиниционный и контекстуальный анализ.

Результаты. Показано, что роль взрослого, направленная на социализацию детей, предполагает регуляцию поведения ребёнка. Горизонтальный мониторинг между сверстниками осуществляется в виде неформального общения, не осложнённого этикетными формулами. Вертикальный мониторинг выстраивается иерархически в зависимости от возраста; старшие обычно регулируют действия младших в императивной форме, не обременяя себя нормами вежливости. Вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется мониторинг коммуникации, может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлены выявлением функций и типов мониторинга коммуникации и определением его роли в моделировании процесса вежливого межпоколенного общения.

Ключевые слова: вежливость, возраст, межпоколенное общение, мониторинг коммуникации, социальные нормы

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, проект «Лингвистические механизмы социального взаимодействия: категория вежливости в словаре и дискурсе».

Для цитирования:

Леонтович О. А., Никитина А. В. Мониторинг коммуникации и проблема вежливости в межпоколенном общении // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 6. С. 41–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-41-55>

Original research article

COMMUNICATION MONITORING AND POLITENESS IN INTERGENERATIONAL DISCOURSE

O. Leontovich^{1, 2*}, A. Nikitina¹

¹ Volgograd State Socio-Pedagogical University, prospekt imeni V. I. Lenina 27, Volgograd 400005, Russian Federation

² Pushkin State Russian Language Institute, ulitsa Akademika Volgina 6, Moscow 117485, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: olgaleo@list.ru

Received by the editorial office 08.07.2024

Revised by the author 09.08.2024

Accepted for publication 09.08.24

Abstract

Aim. To investigate the linguopragmatic and functional features of politeness in intergenerational communication.

Methodology. Communication monitoring, which plays an important role in the modelling of politeness, is viewed as a tool of social interaction aimed at the speakers' self-control and the regulation of their interlocutors' verbal and non-verbal behaviour. The leading method employed in the research is discourse analysis, the supporting methods include definitional and context analyses.

Results. The role of an adult directed towards socialising children implies the regulation of the child's behaviour. Horizontal monitoring between peers is carried out by means of informal communication not complicated by etiquette formulas. Vertical monitoring is built hierarchically depending on age: older people usually regulate the action of younger ones in the imperative form, without burdening themselves with norms of politeness. The polite or impolite form of communication monitoring can affect the perception and effectiveness of intergenerational communication.

Research implications. The study has identified the functions and types of communication monitoring and determined its role in modelling the process of polite intergenerational discourse.

Keywords: age, communication monitoring, intergenerational discourse, politeness, social norms

Acknowledgements. The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, project "Linguistic mechanisms of social interaction: the category of politeness in vocabulary and discourse".

For citation:

Leontovich, O. A. & Nikitina, A. V. (2024). Communication monitoring and politeness in intergenerational discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 6, pp. 41–55. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-41-55>

Введение

Горизонты исследования вежливости в современных научных дисциплинах существенно расширились – они не сводятся более к изучению этикетных формул и правил приличия. Проблемы вежливости обсуждаются в контексте различных дисциплин (лингвистики, философии, теории коммуникации, психологии, педаго-

гики и т. д.) и имеют большое социальное значение. Рассматриваются такие темы, как соотношение вежливости, невежливости и антивежливости [1; 2], приличного и неприличного, такта и бестактности [3], концептуализация вежливости в разных культурах [2; 4; 5], невербальные проявления вежливости [6] и т. д.

Использование вежливости связано с проблемами этики и аспектами личностной идентичности – возрастом, гендером, социальным статусом, уровнем образования, этнической принадлежностью. Цель данной статьи – описать лингвопрагматические и функциональные особенности использования вежливости людьми разных поколений. В центре предлагаемого подхода – понятие мониторинга как инструмента регулирования коммуникативного процесса и его роли в межпоколенном общении.

Материал исследования представлен живой устной речью, а также примерами из художественной литературы, интернета, документальных и художественных фильмов (в общей сложности 440 примеров). В качестве ведущего метода исследования выступает дискурс-анализ, позволяющий учесть структурные и содержательные аспекты коммуникации, а также социальный контекст интеракции. Анализ проводится по следующим параметрам: участники коммуникации, прагматический контекст, форма коммуникации, социально-интерактивная и эмоциональная составляющие (подробнее см. [7]). В качестве вспомогательных методов используются дефиниционный анализ для формулирования ключевых понятий исследования и контекстуальный анализ для выявления особенностей функционирования языковых единиц и их взаимодействия с языковым окружением.

Задачи исследования: 1) выявить роль мониторинга коммуникации в моделировании вежливого поведения; 2) провести классификацию различных видов мониторинга и на её основе определить закономерности использования вежливых и невежливых языковых средств, стратегий и тактик вербального и невербального коммуникативного поведения в разных возрастных группах; 3) показать, как форма осуществления мониторинга может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Вежливость и мониторинг коммуникации – соотношение понятий

Согласно ключевому положению, на которое мы опираемся в данном исследовании, коммуникация не является стихийным процессом – ей свойственна внутренняя структура и организация. Человек обладает имманентными свойствами, заставляющими его выстраивать общение с окружающими в соответствии с принятыми в социуме правилами, нормами и конвенциями [8, с. 19]. Вежливость в известной степени отражает моральные качества личности и связана с такими понятиями, как этика, совесть, мораль, нравственность, норма, культура речи, речевой этикет, коммуникативные табу, сохранение лица.

Дж. Лич утверждает, что *Принцип вежливости* (*the Principle of Politeness*) выступает как сдерживающий фактор в поведении людей с целью избежать разногласий и обид и сохранить взаимопонимание в коммуникации [9; 10, p. 11]. Вежливое поведение предполагает следование коллективным нормам и правилам, что позволяет коммуникантам «нейтрально, комфортно и бесконфликтно общаться на любые, самые болезненные темы» [5, с. 38]. В свою очередь, невежливость есть нарушение границ, накладываемых нормами вежливого общения.

Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, – это инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говорящего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих. То есть он как раз и контролирует соблюдение социальных норм и правил, что непосредственно связывает его с понятием вежливости. При нарушении установленных норм человек интуитивно или сознательно корректирует процесс коммуникации, то есть осуществляет мониторинг.

Понятие мониторинга коммуникации присутствует в трудах ряда отече-

ственных и зарубежных исследователей. М. Стаббс [11], М. Л. Макаров [12] и др. трактуют его как одну из функций метакommunikации, направленную на регулирование коммуникативного процесса, в частности привлечение и поддержание внимания, восприятия и понимания; контроль межличностных и социальных отношений, стиля речи, тональности общения, мены коммуникативных ролей, а также обратной связи [12, с. 199–202]. Другие учёные делают акцент на процессе рефлексии и саморегуляции, способности индивидуума контролировать своё вербальное и невербальное общение, что отражает самовосприятие личности и определяет успешность процесса интеракции [13, р. 67; 14, р. 401; 15, р. 118–122]. Осуществляя мониторинг, индивидуум стремится направить коммуникацию в нужное русло, в то время как собеседник может либо подчиниться, либо, со своей стороны, скорректировать общение.

Согласно одной из таксономий коммуникативного поведения в социуме выделяются следующие его типы: 1) поведение, которое не регулируется какими-либо нормами; 2) нарушение норм вследствие их незнания; 3) интуитивное выполнение либо ненамеренное нарушение правил; 4) сознательное выполнение или нарушение правил; 5) рефлексивное поведение, когда человек решает следовать правилам либо нарушать их на основе своей собственной интерпретации и оценки [16].

В рамках исследуемой нами темы мы рассматриваем проблему вежливости / невежливости как стратегии поведения людей разных возрастов, регулируемого как их собственными внутренними убеждениями, так и общепринятыми социальными нормами. Этот аспект рассмотрения вежливости применительно к межпоколенному общению особенно актуален, так как воспитание детей предполагает контроль и корректировку их поведения со стороны взрослых.

Автомониторинг и гетеромониторинг

Мониторинг осуществляется в двух формах: в виде автомониторинга, то есть самоконтроля и регулировки собственного коммуникативного поведения, и гетеромониторинга – контроля за поведением собеседника [8, с. 21].

Степень **автомониторинга** зависит от индивидуальных особенностей личности (сдержанности либо импульсивности, умения управлять собственными эмоциями, особенно в конфликтных ситуациях), а также от границ самораскрытия. Последнее может быть обусловлено степенью доверия к собеседнику на основе родственных связей, дружбы, гендерной принадлежности, а также возраста. Ребёнок более открыт миру, у него выше степень самораскрытия и ниже порог самоконтроля, нежели у взрослого. С другой стороны, ребёнок не столь хорошо знаком с общественными конвенциями, поэтому может ненамеренно нарушать нормы вежливого общения. В подростковом возрасте нарушение социальных норм может выступать как целенаправленный протест против диктата взрослого общества. По мере взросления человек начинает в большей степени контролировать себя, следить за своей речью, опасаясь последствий со стороны окружающих и требований закона.

Гетеромониторинг выступает как контроль за поведением окружающих, в частности в виде количества и качества коммуникации. Он осуществляется в тех ситуациях, когда по каким-либо причинам не срабатывает самоконтроль говорящего или когда у коммуникантов не совпадают представления о нормативном общении. Взрослые по определению чаще осуществляют гетеромониторинг при общении с детьми, например: *Веди себя хорошо* или *Помолчи, когда взрослые разговаривают*.

Однако дети также могут осуществлять гетеромониторинг по отношению к своим близким или друзьям: *Бабушка,*

пойдём скорее, кино начинается! Папа, помоги – не могу надеть ботинок! Митька, отстань! Нередко гетеромониторинг, как со стороны детей, так и взрослых, направлен на защиту своего личного пространства: *Мама, не вмешивайся в мои дела! Оставьте меня в покое!* Вежливое либо невежливое общение напрямую связано с приемлемостью определённых форм вербального или невербального поведения, а также выражения эмоций.

Гетеромониторинг также широко используется в институциональном общении, например, в педагогическом дискурсе, о чём будет сказано ниже.

Горизонтальный и вертикальный мониторинг

Горизонтальный мониторинг сознательно или бессознательно осуществляется между людьми равного статуса, одним из составляющих которого является возраст. Одинаковый статус даёт коммуникантам право регулировать поведение друг друга, направляя к достижению преследуемой цели.

Между сверстниками обычно имеет место неформальное общение, не осложнённое этикетными формулами, например: *Бежим, Дениска! Скорее! Там квас шипучий! Музыка играет, и разные куклы! Бежим!* Типичны фамильярно-разговорные формы обращений, такие как: *Витька, Ленка, Мишка*, которые в общении между детьми не считаются грубыми или обидными. Взрослые, даже весьма преклонного возраста, могут также общаться неформально, используя обращение на «ты» и по имени (*Таня, Серёга, Ирка*). Нередко в разговоре между подругами-пенсионерками можно услышать фразы типа: *Ладно, девчонки, встретимся в субботу!*

Вертикальный мониторинг типичен для интеракций между коммуникантами разного статуса, в нашем случае – между

людьми разного возраста. Он завязан на обладании властью: человек более высокого статуса считает себя вправе управлять поведением нижестоящих.

Статус взрослого, предназначение которого – способствовать социализации детей, обучать их нормам общения, предполагает регуляцию поведения ребёнка. Например, в повести В. Пановой «Серёжа» мама обучает сына правилам вежливости, в частности употреблению слова «пожалуйста»:

– Оно обозначает просьбу, – сказала мама. – Ты у меня просишь карандаш и в знак того, что это просьба, ты добавляешь: пожалуйста.

– А ты не поняла, – спросил Сережа, – что я у тебя попросил карандаш?

– Поняла, но без «пожалуйста» – это невежливо, невоспитанно ... А если ты скажешь: «Дай карандаш, пожалуйста», – это вежливо, и я с удовольствием дам.

– А если не скажу – без удовольствия дам?

– Совсем не дам! – сказала мама².

В этом плане интересен комментарий Серёжи, который размышляет о неравенстве взрослых и детей: ... *Сережа говорит им «пожалуйста», – при всех своих странностях они сильны и властвуют над детьми, они могут дать или не дать Сереже карандаш, как им вздумается*³.

При этом от детей требуют более высокого уровня вежливости, нежели от взрослых, объясняя это тем, что дети должны проявлять почтительность по отношению к старшим. В рассказе М. Зощенко «Золотые слова» папин начальник во время застолья рассказывает историю. Лёля прерывает его:

– Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Леся не закончила свою мысль, потому что мама на неё шикнула. И папа на неё

¹ Драгунский В. Красный шарик в синем небе [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfXN5> (дата обращения: 26.06.2024).

² Панова В. Ф. Серёжа // Электронная библиотека TheLib.Ru. URL: https://thelibrary.ru/books/panova_vera_fedorovna/serezha-read.html (дата обращения: 25.06.2024). Далее – Панова В. Ф. Серёжа.

³ Панова В. Ф. Серёжа.

строго посмотрел. Папин начальник покраснел от гнева. ... Обратившись к нашим родителям, он сказал:

– Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. ... Вы плохо воспитываете ваших детей.

... Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лелю:

– Глядите, вместо того чтобы раскаяться в своём поведении, эта особа снова принялась за еду. Глядите, она даже аппетита не потеряла – кушает за двоих...¹

Дж. Лич и Т. В. Ларина обращают внимание на то, что русские родители в общении с детьми имеют тенденцию использовать императивы: *Иди мой руки. Не перебивай старших*, в отличие от англоязычных коммуникантов, предпочитающих более вежливые формулы в виде совета или предложения: *Why don't you ...*, *How do you feel about ...*, *I think you should ...* [10, p. 26].

Примером «коммуникативной импозитивности» (в терминологии Т. В. Лариной [17, с. 160]), предполагающей широкое употребление императивов, не воспринимаемых как нарушение норм вежливости, может служить следующая ситуация:

Но мама закричала:

– *Посмотри, на кого ты стал похож! Вылитый Кощей! Ешь. Ты должен поправиться*².

Считается, что ребёнок должен уважительно общаться со взрослым просто потому, что он взрослый. Мнения на предмет того, какую степень уважения ребёнок должен проявлять по отношению к старшим, могут не совпадать:

– *Разве можно допустить, – возразила мама, – чтобы ребенок критиковал взрослых? Если дети примутся нас критико-*

вать – как мы их будем воспитывать? Ребенок должен уважать взрослых.

– *Да за что ему, помилуй, уважать этого олуха!* – сказал Коростелев.

– *Обязан уважать. У него даже мысль не должна возникнуть, что взрослый может быть олухом. Пусть сначала дорастет до этого самого Петра Ильича, а потом уж его критикует*³.

Права в коммуникации выстраиваются иерархически в зависимости от возраста, даже если речь идёт о братьях, сестрах или друзьях. Старшие без колебаний берутся регулировать действия младших в форме приказов, не обременяя себя нормами вежливости:

Я поехала с вещами, а ты приберешь квартиру. Можешь бровями не дергать и губы не облизывать. Потом запри дверь. Книги отнеси в библиотеку. К подругам не заходи, а отправляйся прямо на вокзал. Оттуда пошли напе вот эту телеграмму. Затем садись в поезд и приезжай на дачу... Евгения, ты меня должна слушаться. Я твоя сестра...

– *И я твоя тоже.*

– *Да... но я старше ... и, в конце концов, так велел папа*⁴.

В подобных случаях отсутствие вежливых формул становится средством показать своё возрастное превосходство, обидное для младших:

Женька нес сдавать лекарственные растения в дырявом мешке от картошки, с корнями и даже с землей. ...

– *И я с вами, – сказал Сережа, поспешая за ними.*

– *Не, – сказал Васька. – Поворачивай домой. Мы по делу идем. ... Это тебе не игра! Маленьким нечего там делать!*⁵

Характерно, что в сознании детей понятия о вежливости в зависимости от возраста собеседника существенно различаются, как в нижеприведённом примере:

¹ Зоценко М. Золотые слова [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffm6e> (дата обращения: 12.05.2024).

² Драгунский В. Тайное становится явным [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL <https://clck.ru/3Ffmmt> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Панова В. Ф. Сережа.

⁴ Гайдар А. Тимур и его команда. М.: МИФ, 2024. С. 4-5.

⁵ Панова В. Ф. Сережа.

Когда Аленка меня увидела, она сразу заорала:

– Дениска пришел! Ого-го!

Я вежливо сказал:

– Здравствуйте! Чего орешь, как дура?¹

Обратим внимание на то, что в этом случае демонстрируется разная степень вежливости по отношению к взрослым (*Здравствуйте!*) и по отношению к сверстнице (*Чего орешь, как дура?*).

В детстве и молодости разница в несколько лет ощущается более остро, в старшем возрасте она стирается и становится малоощутимой, что находит отражение в неформальном общении. Однако в институциональном дискурсе на первый план выходят другие статусные характеристики, определяющие иерархическую позицию. В следующем примере учительница, выступающая в роли субъекта мониторинга, чувствуя некое преимущество перед родителями, общается с ними, как с учениками, используя директивы:

– Так, родители, успокойтесь, – опять перекричала всех Светлана Александровна, – вы слушаете, как ваши дети! ... У половины класса не было цветных карандашей в пенале! ... Так, запоминайте домашнее задание. Страница шесть в прописях. Страница два – в математике.

– И без опозданий, – велела нам учительница, – приходите нужно к первому звонку, а не ко второму².

Родители покорно выполняют указания учительницы, подобного рода мониторинг не кажется им невежливым, они принимают свою зависимую роль как данность.

Функции мониторинга

А. В. Никитина [8, с. 20] выделяет ряд функций мониторинга, которые могут быть применены к анализу вежливости.

Прогнозирующая функция заключается в получении опережающей информации о предстоящей коммуникативной ситуации, предсказании дальнейшего развития коммуникации, способности предугадать возникновение опасных моментов в ходе интеракции и по возможности избежать коммуникативных сбоев: Мама сказала: «Вы только там не балуйтесь»³. Мама прогнозирует, что дети могут плохо себя вести, и пытается предупредить эти действия.

Использование данной функции предполагает, что коммуникант «проигрывает» в уме будущую ситуацию общения, предсказывая не только свои действия, но и возможную реакцию собеседника, как, например, в следующем эпизоде, где ребёнок, обидевшись на папу, фантазирует, как сбежит от родителей на Алтай:

Я там буду покорять природу, и папа придет с делегацией на Алтай, увидит меня, и я остановлюсь на минутку, скажу:

«Здравствуй, папа», – и пойду дальше покорять.

А он скажет: «Тебе привет от мамы ...»

А я скажу: «Спасибо... Как она поживает?»

А он скажет: «Ничего».

А я скажу: «Наверно, она забыла своего единственного сына?»

А он скажет: «Что ты, она похудела на тридцать семь кило! Вот как скучает!»⁴

Данная функция позволяет коммуниканту выбрать стратегию и тактику будущего общения, хотя нет гарантии,

¹ Драгунский В. Профессор кислых щей [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfoeN> (дата обращения: 26.06.2024).

² Дневник мамы первоклассника: фильм / реж. А. Силкин. Россия: Киностудия «Вертикаль», 2014. 75 мин.

³ Драгунский В. Ровно 25 кило [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfpWX> (дата обращения: 26.06.2024).

⁴ Драгунский В. Надо иметь чувство юмора [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffpdo> (дата обращения: 26.06.2024).

что запланированная линия поведения окажется эффективной. Успешность зависит от способности правильно предугадать реакцию собеседника и выстроить интеракцию. В этом смысле ребёнок более предсказуем, и хорошо знающие его родители с большей лёгкостью могут прогнозировать его поведение. Ребёнку же, не обладающему достаточным жизненным опытом и коммуникативными навыками, труднее предвидеть реакцию взрослого. Однако в стандартных, типовых ситуациях, ребёнок хорошо знает, что именно может вызвать гнев взрослого и привести к наказанию.

Диагностическая функция нацелена на определение потенциальных коммуникативных барьеров и помех, которые могут препятствовать нормальному протеканию процесса общения. Например, понимая, что невыученные уроки могут стать причиной возникновения конфликтной ситуации на уроке, мама заставляет сына делать домашнее задание:

– Так, всё, садись, сейчас будешь делать домашнее задание.

– Не буду!

– Будешь!

– Не буду! Там опять эти палочки и цыпленка раскрашивать! Надоело раскрашивать!

– А я не хочу, чтобы тебя Светлана Александровна потом ругала!¹

Регулятивная функция позволяет индивидууму – субъекту мониторинга – контролировать порядок осуществления коммуникативных действий, мену коммуникативных ролей, приемлемость тематики общения, тональность, использование языковых средств, коммуникативных стратегий и т. д.: *Не груби старшим! Ты как со взрослыми разговариваешь? Ты что себе позволяешь? Прекрати этот базар!*

Данная функция особенно очевидна в институциональном дискурсе, например,

на уроке в школе: *Раиса Ивановна вошла, мы встали и поздоровались с ней, и громче всех поздоровался я, чтобы она видела, какой я вежливый. Но она на это не обратила никакого внимания и еще на ходу сказала:*

– Кораблев, к доске! ... Кораблев! Что же ты? Я тебя зову или нет?²

Побудительная функция направлена на то, чтобы стимулировать коммуникантов к вербальным или невербальным действиям либо к их прекращению. Она постоянно реализуется как в речи родителей, так и учителей, с разной степенью вежливости: *Сердюкова, отвечай! Пожалуйста, слушаем тебя! Ну-ка иди сюда! Замолчи(те)!*

Достаточно трудная задача для учителя – регулировать поведение сложного класса, непослушной или равнодушной аудитории: пытаться расшевелить, побуждать, вдохновлять либо наоборот, запрещать или угрожать, что может влиять на качество коммуникации.

Корректирующая функция мониторинга нацелена на исправление ошибок как в содержании дискурса, так и в его речевом оформлении: произношении, написании, построении высказывания, выборе лексических средств. Ярким примером субъекта коммуникации, осуществляющего корректирующую функцию в педагогическом дискурсе, является учитель, одна из задач которого – исправлять разного рода ошибки учеников [8, с. 20]. Приведём пример фрагмента урока по математике, где учитель отрабатывает с детьми устный счёт: *9 уменьшить на 6, не повторяем за мной, сразу ответ! Быстро! Время! Не надо отсчитывать! Мы только сейчас учили, 9 это ..., нет, ты сейчас что сделал? Ты отсчитывал, а мне нужно, чтобы ты говорил сразу чётко мне цифру. Я говорю 9 уменьшить на 6, а ты мне сразу 3. Для чего мы учим состав числа? Ответ должен быть мгновенный,*

¹ Дневник мамы первоклассника: фильм / реж. А. Силкин, Россия: Киностудия «Вертикаль», 2014. 75 мин.

² Драгунский В. главные реки Америки [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FfqPX> (дата обращения: 26.06.2024).

значит, состав числа недоучен! Учитель может показаться строгим, но это оправдано несколькими причинами. Строгость помогает ученикам осознать важность изучаемого материала, нести ответственность за свою работу, приобретать необходимые навыки. Излишняя мягкость и вежливость в исправлении ошибок может, наоборот, быть воспринята учениками как слабость учителя и, как следствие, привести к игнорированию этих ошибок или их повтору в дальнейшем.

Корректирующая функция также широко используется в бытовом дискурсе:

– Геннадий, оставь книгу, – начинает раздражаться Полина Петровна. – Когда к тебе обращаются старшие, особенно мать, читать невежливо¹.

Воспитание предполагает управление поведением детей и корректировку их действий. Однако чрезмерное количество замечаний воспринимается как попытка подчинить себе собеседника, ограничить его свободу действий и высказываний, а, следовательно, невежливость:

Ему дали пирог, он стал есть и раскрошил. Прабабушка сказала:

– Как ты ешь!

Сидеть было неудобно, он заерзал на стуле. Она сказала:

– Как ты сидишь!²

Приемлемость и достаточность корректировки действий партнёра по коммуникации – одна из самых сложных проблем в общении взрослых и детей (см., например [18]). С одной стороны, чрезмерное количество замечаний противоречит самой цели коммуникации – достижению взаимопонимания между собеседниками, для которого правильность использования вербальных и невербальных средств далеко не всегда является определяющей. С другой стороны, родители и учителя видят своё предназначение в обучении и воспитании детей,

что предполагает необходимость направлять их поведение в нужное русло. С этой точки зрения вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется корректирующая функция, может влиять на степень её приятия и эффективность коммуникации.

Кроме того, возникает вопрос: имеют ли право дети корректировать действия старших? Нередко попытка детей делать замечания родителям вызывает у последних негодование. Ранее мы также писали о том, что специалисты не рекомендуют более молодым собеседникам общаться с пожилыми людьми свысока (*Мама, ну что ты такое говоришь?! Когда ты, наконец, научишься пользоваться сотовым телефоном?*), поучать их: (*Я тебе уже сколько раз говорила: не бери эту чашку! Нечего слушать всякую ерунду по телевизору!*) [19]. Очевидно, приемлемость либо неприемлемость замечаний зависит от отношений в семье, личностных качеств коммуникантов, их готовности либо неготовности воспринять критику, а также в значительной степени – от формы замечания (вежливой либо невежливой).

Функция сглаживания конфликтов предназначена для предупреждения или разрешения коммуникативных ситуаций, участники которых преследуют несовместимые цели. Возникновение споров и противоречий характерно как для межличностного (между членами семьи или друзьями), так и институционального общения (например, в школе). Для детей в младшем и подростковом возрасте достаточно сложно справляться с сильными эмоциями. Иногда они проявляют их с помощью крика, плача, неконтролируемой агрессии по отношению к собеседнику или отказа вступать в общение, замыкаются в себе, не идут на контакт. Речевые клише, такие как «Ты уже взрослый – надо вести себя хорошо», «Ты должна всё понимать!», часто не работают. В ситуации агрессии именно взрослому нужно найти способ сгладить конфликт, как в следующем примере, где восьмью-

¹ Гартунг Л. Порог [Электронный ресурс] // LibKing : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Ffqii> (дата обращения: 15.06.2024).

² Панова В. Ф. Сережа.

летняя Саша не хочет принимать отчисления Сергея, думая, что мама перестанет любить её и уделять ей внимание, однако Сергей не кричит на девочку, а старается с ней договориться:

– Саш, я знаю, что ты не хочешь со мной разговаривать. Но ... поговорить нам надо. Я предлагаю игру. Я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь отвечать на них шагами. Шаг к дому – да, шаг от дома – нет, согласна?¹

Функция рефлексии осуществляется через самоконтроль говорящего с позиций количества, качества сообщаемой информации и манеры собственного поведения (по П. Грайсу). Рефлексия заключается в выборе того, что стоит сказать вслух, а что оставить при себе, а также в оценке собственного речевого и неречевого поведения. В приводимом ниже контексте то, что Дениска думает про себя, не совпадает с тем, что он произносит вслух, то есть срабатывает самоконтроль: *Я сказал: «Вы дура, тетя Тамара! Чтоб вы лопнули! И вообще вон из моего дома. Чтобы ноги вашей толстой больше здесь не было». Я сказал это про себя, в мыслях, так, что никто ничего не понял*².

Следует отметить, что действия мальчика во многом обусловлены мониторингом со стороны старших – боязнь наказания или выговора: *«Это у тебя в голове опилки, Тамарище Семипудовое»*. Сказал, конечно, в мыслях, про себя. А то бы меня мама заругала. Она и так смотрела на меня что-то уж чересчур пристально.

Виды мониторинга

Вербальный и невербальный мониторинг. Мониторинг может осуществляться как в вербальной, так и невербальной форме, например, в виде

метакоммуникативных высказываний учителя во время проведения урока, обозначающих начало, продолжение и завершение общения: *Ребята, займите свои места. Звонок уже прозвенел. Начинаем урок* (учитель открывает коммуникативный обмен); *Запишите число и тему урока. Кто решит этот пример? Отвечаем только по поднятой руке!* (следит за ходом урока, выстраивает логику его проведения, предоставляет слово участникам интеракции); *Молодцы, хорошо справились с заданием. Достаточно, продолжит читать Артём. Говори громче, тебя не слышно!* (комментирует и регулирует количество и качество говорения); *Урок закончен, запишите домашнее задание* (завершает коммуникативную ситуацию).

Метакоммуникация может также использоваться для предупреждения неуважительных высказываний или неприемлемого поведения: *Это нехорошее слово, так говорить нельзя. Не кричи на меня! Ты как разговариваешь с отцом?!*

Ход коммуникации может регулироваться паравербальными и невербальными средствами, такими как повышение или понижение голоса, интонация, паузы, остановка взгляда на собеседнике при передаче репликового шага и т. д. Кроме того, старшие могут указывать на не вполне вежливое паравербальное и невербальное поведение детей:

– Сюда, сюда! – *трещала* девчонка. – *Садитесь! Я вот здесь сяду с тетей Надечкой, а дядечка Федечка пусть сядет рядом с мальчиками.*

– Не шуми так, Леночка, – сказала тетя Надя.³

Иногда взрослые полагают, что у них есть право вести себя с детьми невежливо – как они никогда не стали бы вести себя со взрослыми:

Увидев, что остался один, Толя решил, что теперь и ему можно бежать, но в тот же момент почувствовал, как

¹ Ближе, чем кажется: фильм / реж. Н. Беляускене, Г. Дюкарев, М. Воскобоев и др. Россия: Продюсерский центр «Молодёжные инициативы», 2015. 94 мин.

² Драгунский В. Одна капля убивает лошадь [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FiLDz> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Носов Н. Дружок [Электронный ресурс] // Ну-ка дети : URL: <https://clck.ru/3FiLwk> (дата обращения: 15.06.2024).

его кто-то крепко схватил сзади за шиворот, и чей-то визгливый голос закричал прямо в ухо:

– Ты куда же это мячом садишь, разбойник?! Некуда тебе мячом пулять, окромя как по окнам, лоботряс ты этакий!

– Я нечаянно – растерянно пробормотал Толя, стараясь вырваться ...

– Я вот те оторву голову нечаянно да заместо стекла в окошко вставляю. Нет на вас, сорванцов, угомону!¹

Как вежливость, так и невежливость, реализуются на всех уровнях языка и проявляются в интонации, выборе лексики, синтаксических конструкций, а также коммуникативных стратегий. В следующем примере говорящий использует стратегию угрозы, интенсифицируемую с помощью метакоммуникации (Ясно?). Кажущаяся вежливой формула «будь добра» используется как средство дистанцирования от собеседницы:

Если еще раз зайдешь в мою спальню, окажешься на улице. Ясно? Я привык жить один. Так что будь добра не суй свой нос куда не просят².

Невежливость может проявляться в использовании агрессивного, грубого языка, вплоть до непристойностей, а также в виде нарушения конврсационных норм, таких как затянувшаяся пауза, молчание, игнорирование собеседника, не предпочитаемые реплики, перебивание собеседника, взятие репликового шага силой, нарушение баланса говорения и слушания (например, неловкого молчания либо, напротив, монополизации беседы), бесконечных замечаний, нарушения личных границ, манипуляции собеседником путём сообщения ему ложных сведений, окончания беседы без

сигнала о завершении интеракции (например, уход не попрощавшись) и т. д.

Невербальный мониторинг может использоваться самостоятельно или в дополнение к вербальному. Примеры невежливого невербального поведения: поманить пальцем; ткнуть пальцем; погрозить пальцем или кулаком; повернуться к собеседнику спиной; не смотреть на собеседника; сидеть, развалившись в кресле. Мимика также может демонстрировать неуважительное отношение к собеседнику: Ты чего морищишься? Бабушка старалась, кашу варила, а ты нос воротишь!

Сочетание вербального и невербального мониторинга можно проиллюстрировать следующим примером, где девчонка нянчится со своим маленьким братом:

Она усадила Виктора наземь, прислонив к яблоне, чтобы он не падал. Но он все равно сейчас же упал – на бок.

– Ну, ты, сиди! – прикрикнула Лидя, встряхнула его и усадила покрепче. – Глупый ребенок. Другие уже сидят в этом возрасте³.

Вежливость предполагает адаптацию к собеседнику, выступающую как один из инструментов вежливости. Адаптация взрослых к детям достигается использованием простых синтаксических конструкций, различных оттенков выразительной фонации, замедленного темпа речи, тематических ограничений или обращения к приёмам наглядности и образности, описательных, изобразительных и эмоциональных жестов. Дети, со своей стороны, адаптируются к взрослым с помощью «протознаковых средств общения для выражения потребностей и эмоций (плача, улыбки, мимики, указательных жестов)», копирования моделей поведения старших, уговоров, используемых ребёнком в отношении близких людей, и т. д. [20, с. 142–143].

В приводимом ниже примере адаптация врача по отношению к мальчику осуществляется за счёт выбора лекси-

¹ Носов Н. Приключения Толи Клюквина [Электронный ресурс] // Сказки РуСтих : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3FiZAH> (дата обращения: 15.06.2024). Далее – Носов Н. Приключения Толи Клюквина.

² Вспышка_2 // Жизненные истории : канал на Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZMjtp5uxgEo4Tb0E> (дата обращения 14.05.2024).

³ Панова В. Ф. Сережа.

ки, тона и вежливых коммуникативных стратегий, позволяющих вызвать у него доверие и желание выполнять указания доктора: Доктор был старенький и весь белый: в чистом белом халате, в белом колпаке на голове, с белыми седыми бровями, а на носу очки. Он любил говорить слово «ну-с», обращался к Толе на «вы» и называл его молодым человеком:

– Ну-с, попрошу вас дышать, молодой человек. Так... дышите поглубже... еще дышите... – приговаривал он, прикладывая металлическую иштучку к груди то справа, то слева. Потом поднес Толе к носу палец:

– А теперь попрошу вас смотреть на кончик моего пальца¹.

Хотя адаптация эффективна в большинстве типов дискурса, её чрезмерное употребление может быть оскорбительным, например, по отношению к подростку (*Что ты со мной разговариваешь, как с маленьким?*) или к пожилому человеку (*Что она со мной, как с ребёнком? Я старая, но не глупая*). Ребёнку часто льстит, когда взрослый разговаривает с ним «на равных», как с большим, без излишней чувствительности и сюсюкания. С другой стороны, отсутствие адаптации нередко является свидетельством невежливого поведения – невнимания к собеседнику, нежелания сделать усилие, чтобы установить контакт.

Устный и письменный мониторинг. Все приведённые выше примеры иллюстрируют мониторинг, реализуемый в устной форме. Мониторинг также может осуществляться письменно, например, в виде замечаний учителя в тетрадке или дневнике: *Выполняй работу тщательно! Обрати внимание на почерк! Небрежные рисунки! Оберни тетрадь!* – или записок на холодильнике, обычно в императивной форме: *Вымой посуду! Вынеси мусор! Покуси рыбок.*

В качестве дополнительных средств, которые могут усилить воздействие, воз-

можно использование подчёркивания, зачёркивания, заглавных букв, цвета чернил или маркера.

Эксплицитный и имплицитный мониторинг. Эксплицитный мониторинг реализуется с помощью высказываний, прямо указывающих на действие, которое должен совершить партнёр по коммуникации: *Принеси, пожалуйста, воды. Ну-ка, садись за уроки! Миша, не реви!* Он может быть как вежливым (с использованием слов *пожалуйста, будьте добры, можно вас попросить*), так и невежливым (в виде бестактных, грубых императивов).

Имплицитный мониторинг выражается в неявной, завуалированной форме, в расчёте на то, что коммуникация, как правило, ситуативна и контекстуально обусловлена, поэтому собеседник сможет распознать истинное значение сказанного. Это может быть как деликатная просьба не шуметь, например: *Что-то у меня голова разболелась*, так и форма речевой агрессии: *Что ты орёшь? У тебя есть голова на плечах? Ты что, оглох?* (подробнее об имплицитной агрессии см. [21]).

Прямой и опосредованный мониторинг. Прямой мониторинг осуществляется лично, в то время как опосредованный – через третье лицо. Например, взаимодействие учителя с родителями нередко происходит при посредстве ученика в устной форме: *Скажи родителям, чтоб пришли!* или письменно, через записку в дневнике: *Купите пластилин! Нет дневника. Сорвал урок.* Как видно из приведённых примеров, подобного рода мониторинг обычно происходит в директивной форме, но иногда встречаются и более вежливые записки: *Уважаемые родители! Подстригите своего сына! Хочется посмотреть ему в глаза!*

Заключение

1. Мониторинг коммуникации, играющий важную роль в моделировании вежливого поведения, трактуется как инструмент социального взаимодействия, направленный на самоконтроль говоря-

¹ Носов Н. Приключения Толи Клюквина.

щего и регулирование вербального и невербального поведения окружающих.

2. Мониторинг осуществляется в двух формах: в виде автомониторинга, то есть самоконтроля и регулировки собственного коммуникативного поведения, и гетеромониторинга – контроля за поведением собеседника. Роль взрослого, направленная на социализацию детей, обучение их нормам общения, предполагает регуляцию поведения ребёнка. При этом вежливое либо невежливое общение напрямую связано с приемлемостью определённых форм вербального или невербального поведения, а также выражения эмоций.

3. Горизонтальный мониторинг сознательно или бессознательно осуществляется между людьми равного статуса, одним из составляющих которого является возраст. В бытовом дискурсе между сверстниками обычно имеет место неформальное общение, не осложнённое этикетными формулами. Вертикальный мониторинг типичен для интеракций между коммуникантами разного статуса, в нашем случае – между людьми разного

возраста. Права в коммуникации выстраиваются иерархически в зависимости от возраста; старшие обычно регулируют действия младших в форме приказов, не обременяя себя нормами вежливости.

4. Приемлемость и достаточность корректировки действий партнёра по коммуникации – одна из самых сложных проблем в общении взрослых и детей. С этой точки зрения вежливая либо невежливая форма, в которой осуществляется мониторинг коммуникации, может влиять на восприятие и эффективность межпоколенного общения.

Сделанные выводы вносят определённый вклад в выявление лингвосоциальных механизмов вежливости, а также закономерностей межпоколенного общения, в чём заключается теоретическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть применены в педагогической и семейной коммуникации, деятельности молодёжных организаций, а также в практике межличностного общения между представителями одной возрастной группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 318 с.
2. Locher M. A., Larina T. V. Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts (Введение в исследование вежливости и невежливости в глобальном контексте) // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. No. 4. P. 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
3. Иссерс О. С. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // *Русский язык за рубежом*. 2023. № 5 (300). С. 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003.
4. Алпатов В. М. Вежливость и этикет (на русском и японском материале) // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 7–12.
5. Брагина Н. Г. Вежливость как невежливость: на стыке разных культурных норм и правил // Вежливость и антивежливость в языке и коммуникации: материалы Международной научной конференции (Институт лингвистики РГГУ, 23–24 октября 2018 г.) / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 38–44.
6. Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Невербальные ритуалы и их разновидности // *Ритуал в языке и коммуникации: сборник статей*. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 105–118.
7. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
8. Никитина А. В. Мониторинг как понятие в коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 7 (61). С. 18–22.
9. Leech G. N. *Principles of Pragmatics*. London – New York: Longman, 1983. 268 p.

10. Leech G. N., Larina T. Politeness: West and East (Вежливость: Запад и Восток) // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. No. 4. P. 9–34.
11. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.
12. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
13. Wood J. T. *Interpersonal communication. Everyday encounters*. Belmont, CA: Wadsworth, 2004. 429 p.
14. Canary D. J., Cody M. J. *Interpersonal communication: A Goals-based Approach*. New York: St. Martin's Press, 1994. 425 p.
15. Weaver II R. L. *Understanding Interpersonal Communication*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman, 1987. 368 p.
16. Thomas G. P., Soldow G. F. Interpersonal Communication: a Process of Rule Negotiation through Metacommunication // *Advances in Consumer Research*. 1985. Vol. 12. P. 482–486.
17. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003. 315 с.
18. Брагина Н. Г., Шаронов И. А. «Педагогическая» агрессия в русской бытовой коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 4. С. 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993.
19. Леонтович О. А. Возрастная маркированность коммуникации людей старшего поколения // *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2023. № 3 (43). С. 152–165.
20. Соколова М. С. Адаптация к собеседнику // *Позитивная коммуникация: коллективная монография / под общ. ред. проф. О. А. Леонтович; 2-е изд. М.: Гнозис, 2020. С. 142–210.*
21. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог – 2003» (Протвино, 11–16 июня 2003 г.)*. Т. 2003. М.: Наука, 2003. С. 32–35.

REFERENCES

1. Sharonov, I. A., comp. & ed. (2018). *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ. (in Russ.).
2. Locher, M. A. & Larina, T. V. (2019). Introduction to Politeness and Impoliteness Research in Global Contexts. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 873–903. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-873-903.
3. Issers, O. S. (2023). Tactless question as a communicative problem in Russian speech culture. In: *Russian Language Abroad*, 5 (300), 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003 (in Russ.).
4. Alpatov, V. M. (2018). Politeness and etiquette (based on Russian and Japanese material). In: *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., pp. 7–12 (in Russ.).
5. Bragina, N. G. Politeness as impoliteness: at the intersection of different cultural norms and rules. In: *Politeness and anti-politeness in language and communication: Proceedings of the International Scientific Conference (Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, October 23–24, 2018)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ., pp. 38–44 (in Russ.).
6. Kreidlin, G. E. & Pereverzeva, S. I. (2013). Non-verbal rituals and their varieties. In: *Ritual in language and communication*. Moscow: Russian State Humanitarian University publ., pp. 105–118 (in Russ.).
7. Leontovich, O. A. (2011). *Methods of communication research*. Moscow: Gnosis publ. (in Russ.).
8. Nikitina, A. V. (2011). Monitoring in communication: issue formulation. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 7 (61), 18–22 (in Russ.).
9. Leech, G. N. (1983). *Principles of Pragmatics*. London, New York: Longman.
10. Leech, G. N. & Larina, T. (2014). Politeness: West and East. In: *Russian Journal of Linguistics*, 4, 9–34.
11. Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford: Blackwell.
12. Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the Theory of Discourse*. Moscow: Gnosis publ. (in Russ.).
13. Wood, J. T. (2004). *Interpersonal communication. Everyday encounters*. Belmont, CA: Wadsworth.

14. Canary, D. J. & Cody, M. J. (1994). *Interpersonal communication: A Goals-based Approach*. New York: St. Martin's Press.
15. Weaver II, R. L. (1987). *Understanding Interpersonal Communication*. Glenview, Ill.: Scott, Foresman.
16. Thomas, G. P. & Soldow, G. F. (1985). Interpersonal Communication: a Process of Rule Negotiation through Metacommunication. In: *Advances in Consumer Research*, 12, 482–486.
17. Larina, T. V. (2003). *The category of politeness in English and Russian communicative cultures*. Moscow: RUDN University (in Russ.).
18. Bragina, N. G. & Sharonov, I. A. (2019). “Pedagogical” aggression in Russian everyday communication. In: *Russian Journal of Linguistics*, 23 (4), 975–993. DOI: 10.22363/2687-0088-2019-23-4-975-993 (in Russ.).
19. Leontovich, O. A. (2023). Age-Specific Communication of Older People. In: *Scientific Notes of the Russian National Society for Applied Linguistics*, 3 (43), 152–165 (in Russ.).
20. Sokolova, M. S. (2020). Adaptation to the interlocutor. In: Leontovich, O. A., ed. *Positive communication*. Moscow: Gnosis publ., pp. 142–210 (in Russ.).
21. Apresyan, V. Yu. (2003). Implicit aggression in language. In: *Computer linguistics and intellectual technologies: proceedings of the International conference “Dialogue – 2003” (Protvino, June 11-16, 2003)*. Vol. 2003. Moscow, Nauka publ., pp. 32–35 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леонтович Ольга Аркадьевна (г. Волгоград) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета; главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований департамента научной деятельности Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;

ORCID: 0000-0002-0972-4609; e-mail: olgaleo@list.ru

Никитина Анна Валерьевна (г. Волгоград) – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета;

ORCID: 0000-0002-2047-9771; e-mail: meav@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Leontovich (Volgograd) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Research Department, Pushkin State Russian Language Institute;

ORCID: 0000-0002-0972-4609; e-mail: olgaleo@list.ru

Anna V. Nikitina (Volgograd) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

ORCID: 0000-0002-2047-9771; e-mail: meav@yandex.ru